

На первый взгляд, поэт на протяжении всей своей недолгой, но плодотворной поэтической работы был полностью занят отображением окружающей жизни в её социальном и бытовом аспектах.

Казалось бы, этим заняты все мы, пишущие. А что же ещё можно осмысливать и отображать? Что ещё можно и, главное, нужно и насущно необходимо отображать в меру своих немощных сил?

Это так, конечно, но ведь и жизнь жизни рознь. Она ведь, прошу простить, необозрима, а нам дано освоить лишь небольшой её фрагмент, а кому повезёт, может быть и *полтора* — и не более того.

И сами ли мы выбираем направление творческой работы или уже рождаемся с готовыми тенденциями? Или же нам помогают в выборе некие неведомые (кому-то ведомые) силы? Или же всё это — вместе взятое? Или же — в различных сочетаниях?

Попробуй-ка тут дать ответ... С нашим-то узким бытовым сознанием...

На первый опять-таки взгляд, поэзия Бориса Корнилова отображает лишь *преходящие* явления действительности (ведь в нашей тусклой действительности есть и непреходящее!), отображает причём в довольно сниженном их варианте. Его лирический герой ярко одарён возможностью восприятия «витальной», «животной» стороны жизни (её «плотской энергетики») — как в отдельной личности, так и в разных группах и классах, в ленинском понимании термина. И классы эти были и остаются в духовном смысле не самыми творческими, не самы-

ми художественно одарёнными, не самыми психически тонкими (хотя, как и в любой сфере, здесь имеются известные исключения, которые опять-таки не могут выйти за пределы обыденности). И заняты они, эти слои общества, не чем иным, как созданием материальных форм. В этом их предназначение.

И вряд ли дело здесь в пресловутых «велениях времени».

Сдаётся мне, лирический герой Корнилова и в нынешнее время воспринимал бы только эту сторону жизни. И не только сейчас, но, похоже, и в любые иные времена, окажись он в них. Эта животная сила народных низов бывает двух видов: чёрная и тёмно-серая. И обе они сполна отражены в творчестве поэта. Здесь и кровавая резня гоголевских казаков и современных поэту красноармейцев, и грубость множества его персонажей, и их тёмная сексуальность, и радость грызуна от разрушения «старой жизни». Но здесь же и крестьянская привязанность к земле, к суровой старине лесной сторонушки, и радость физической работы и физической любви, и радость физической жизни вообще.

*Партизаны, смотрите в оба!..
Да стреляйте же,
Цельте в лоб.
Офицерская хлынет злоба,
захлестнёт
и зальёт окоп.
И стрельба,
И резня,
и рубка —
умирая, дёрнется бровь,
под штыком маслянистым хрупко
хрустнет горло,
и свиснет кровь.*

Или ещё:

*Я вот этими вот руками
землю рыл
и навоз носил,
и по Керженцу,
и по Каме
я осоку-траву косил.
На твоё, земля,
на здоровье,
тёплым жиром, земля, дыши,
получай лепёшки коровьи,
лошадиные голяши.*

И нет, сколько я ни искал, нет ни слова, ни *полслова*, ни *половины образа* о духовной стороне жизни, об единственно прочной её основе, — озаряющей и вдохновляющей, созидательной и всезиздательной.

Что это?

Почему это?

Ведь рядом, в тех же гиблых социальных условиях работали и другие сверстники-литераторы, не говоря уже о ближайших предшественниках и о старших современниках. Почему лирический герой Бориса Корнилова не был открыт другим слоям жизни? Ведь кроме внешних насущно-производственных сторон внешней жизни есть и художественно-эстетическая, и мистическая, и историческая, и духовная, наконец, и прочие, о которых мы умолчим. Если всё перечисленное (а более не перечисленное) и существует *кое-где* и *кое-как* в произведениях Корнилова, то существует в зачаточном состоянии и в настолько скрытом виде, что о них умалчивают все критики без исключения, будто таких явлений в его творчестве, в его личности, в его сознании и нет вовсе.

И неизбежно встаёт вопрос о понимании Борисом Корниловым самой сущности поэзии. О её месте и здесь, в дольном мире, и во всей совокупности миров: от земных до небесных.

И о самом *месте поэта в мире*: о его высокой миссии, о его неизречённой значительности, о его свыше данной способности поворачивать «мировую ось» сознания родного народа и, может быть, других народов, если, разумеется, позволяет это степень твоей одарённости. Впрочем, это тема для отдельного разговора.

Так в чём же здесь, собственно, дело?

Сказывается ли здесь личная неозарённость поэта? Отсутствие сократовского даймона, нашёптывающего высокие истины? И музу здесь подменила ужасная демоница революций? И душа поэта находится в тёмных эфирных слоях вселенной и пытается и нас туда затащить? И нет ему нигде спасения, и нет духовного учителя, Мастера, наставившего в это же самое время бестолкового заблудшего *пиита* Бездомного, которого назвать Поэтом язык не поворачивается.

Или всё-таки *озарён*, но искренне верит душегубам и злодеям и старается честно служить им, сидя на двух стульях и служа двум господам? На манер позднего Маяковского и иже с ним.

Или же *озарён*, но до жути боится богооставленной власти мелких хищников и служит им из лести, двурушничая, захлёбываясь и перебивая самого себя?

Как бы то ни было, любая из этих ситуаций выдаёт мятущуюся, неудовлетворённую, по большей части хмурую и тёмную душу, достойную сожаления и даже жалости. Как это бывает, когда видишь бездомного. И помочь хочется, а чем? Подачки ещё больше усугубляют дело, а человеческое чувство говорит: «Поддай!» И понимаешь смятённо, что не пода-

вать нужно, а душу спасти. А как? Если и сам тёмный и зол, и сам не знаешь толком, где ты, на месте ли ты... Сам Спаситель спасал нас тогда и спасает сейчас, а где мы? Мы сами хотим спасения? Делаем что-либо для спасения? Спасены мы или ещё больше погрязли в своей ужасающей глупости и самодовольстве?

В отличие от тёмной неудовлетворённости, приводящей к пьянству, помешательству и прочим несчастьям, светлая неудовлетворённость собой и миром может побудить к поиску основы для своего существования, своей деятельности, своей жизни и своей смерти.

Ведь основы земной жизни дают тебе и основы твоего посмертия. Забвение ли тебя ждёт здесь, в мире, и — рассеяние твоей души там, в иномирии? Блуждание ли ждёт полусохранившейся души по подземным мучилищам или же нечто совсем иное: какая-либо память о тебе поколений, идущих следом здесь, и светлое служение озарённой души там.

Непоследовательное и непредсказуемое буйство лирического героя Бориса Корнилова оставляет нам смутную надежду на чаемое развитие событий. Похоже, он медленно, наощупь продвигался-таки к мерцающему в его душе свету, прислушивался к отклику его души на вселенский свет, на едва слышимый ему перезвон лазоревых колоколов.

Не хватило времени жизни.

Есть души медленного развития, души поздних постижений. Не Моцарт, знающий и умеющий всё сразу, небожитель, залетевший сюда случайно, а, к примеру, Врубель, постепенно шествующий к осветлению. И есть ведь, похоже, сроки, в которые той или иной душе долженствует раскрыться. Одной — на четвёртом году жизни на земле, другой — на пятидесятом. Может быть, поэту нужно было изжить, пережить и отмести прочь кое-какие черты и склонности в себе, мешающие двигаться вперёд? Такая сложная и скрытая работа требует времени.

Но очевидно, что Корнилов не стоял на месте, не лежал на печи, не почивал на лаврах, честно «заслуженных» у злодейской власти, пожравшей его вскоре, как и многое множество других невинных.

В произведениях последних двух-трёх лет его жизни намечаются неясственные намёки на такой поворот дела. Ощущается некое дуновение воздуха, поколебавшее пламя свечи и дающее направление заблудившемуся в подземелье скитальцу. Впереди едва забрезжили возможные прозрения своего личного будущего и, возможно, будущего тяжко занедужившей отчизны. Возможность духовного очищения, развития, возрождения, *служения*.

Какие же колоссальные процессы, сдвиги должны были происходить во всём естестве бедного поэта? И по силам ли они ему были? Да, похоже, по силам, — по упрямому и яростному его дарованию!

Не хватило времени...

В его пушкинских стихах чувствуется светлое знойное световое начало. Может быть, сам Пушкин опустился к нему по плавной спирали, чтобы поддержать смятенную душу собрата?

*Чтобы всюду были спокойны,
чтобы пакостные скорей
к чёрту сгинули
зло и войны —
порожденье слепых зверей!*

Или:

*Ветры дуют с оста или с веста,
всадник топчет медную змею...
Вот и вы пришли
на это место —
я вас моментально узнаю.
Коротко приветствие сказали,
замолчали,
сели покурить...
Александр Сергеевич,
нельзя ли
с вами по душам поговорить?*

В каких же новых чувствах, словах, образах мог бы отразиться, развившись со временем, неудержимый талант Бориса Корнилова, не случись с ним того, что случилось?

Какие же *силы* прервали его миссию?

С какой целью *силы* эти не дали развиваться огромной потенции души поэта, которая привела бы его, может быть, к несравненно большим художественным и духовным достижениям? И какие новые произведения не дали узнать нам, бредущим следом?

Не те ли это вражьи силы, что прервали судьбы и всех других, безвременно погибших поэтов? Не те ли это вражьи силы, что могут в любой момент прервать и наши судьбы?

Нет ответов...

Разве нет ответов?!..

Январь, 2016